
Алые губы, глаза – две звезды.
Как не влюбиться в такие туманы!
Вместо моей седины-лебеды
Встали тюльпанов густые поляны.

Что-то случилось, и ты уж не лыс –
Снова в душе девять ласковых баллов.
Ваших духов мимолётный каприз –
Красный дурман парусов и причалов.

Викинги здесь или датский король,
Струги Петра всюду – справа и слева.
Или в бордовом всё та же Ассоль –
Первая здесь и сейчас королева.

№ 9

Пришёл с утра на стадион –
Суббота нынче, не зарплата.
Один, как перст, другим крылом
Мой внук летит витиевато.

По той дорожке беговой,
Где стадион раскинул соты,
Летим мы рядом по прямой
Вон в те дырявые ворота.

Бывало, забивал туда
Свой мяч пустой – 9-й номер.
Тот номер мой, он есть всегда
На том, ином аэродроме.

Один уйдёт, придёт другой –
Пацан, которому 9-ка
Навеки встанет за спиной,
Как длинноногая рогатка.

Лови, вратарь, девятый вал –
На этой цифре есть зарубка.
Её пацан нарисовал
В скрижалях солнечного кубка.

На водопой опять зовут:
И не коней, а футболистов.
Кто объяснит: футбол ли тут
Или пародия артистов?

Реклама эта жрёт эфир,
Боль головная следом в плечи.
Кто это выдумал – вампир,
Или подельники при встрече.

Их офис – тощий небоскрёб,
Костюм от Gucci и штиблеты.
Лакей с них давеча соскрёб
С футбола липкие билеты.

Футбол и бизнес, что теперь?
Уж лучше покер или шашки.
Болелы в поисках дверей
Рвут запотевшие тельняшки.

Футбол аль бизнес – кто кого?
Футбол, который от Адама!
Четыре штанги и его
Несимметричная поляна...

ФУТБОЛ

Футбол, футбол – меня ты беребишь
Своей душой, одетой в футболку.
Ты самый первый, первый среди крыш,
Объединивший свет и барахолку.

Ты номер первый в тундре и степи.
Идёшь ты в гору смело и красиво.
С тобою рядом в соловьях толпы
Холодное стремительное пиво.

Поют все вместе гимны и шансон,
Поют все пабы трудовой округи.
И золотой швейцарский миллион
Пропьют на раз соперники и други.

Футбол он мячик – Шарик голубой:
Земля и водь грустят неторопливо.
Но повернувшись к югу головой,
Нельзя пролить оплаченное пиво.

И всем хватает места и кустов,
Хотя порой толпимся по утряни.
И никаких ответственных постов
Ни в Мехико, ни даже в Лебедяни.

Чемпионат, вестимо, про футбол –
Торсида налегает на напитки.
Сане опять не заколпал гол,
А Вирц промазал челюстью улитки.

За немцев я болею пятернёй,
Коль наших нет в том малохольном баре.
Когда был Мюллер, я был молодой,
И Беккенбауэр не значился в футляре.

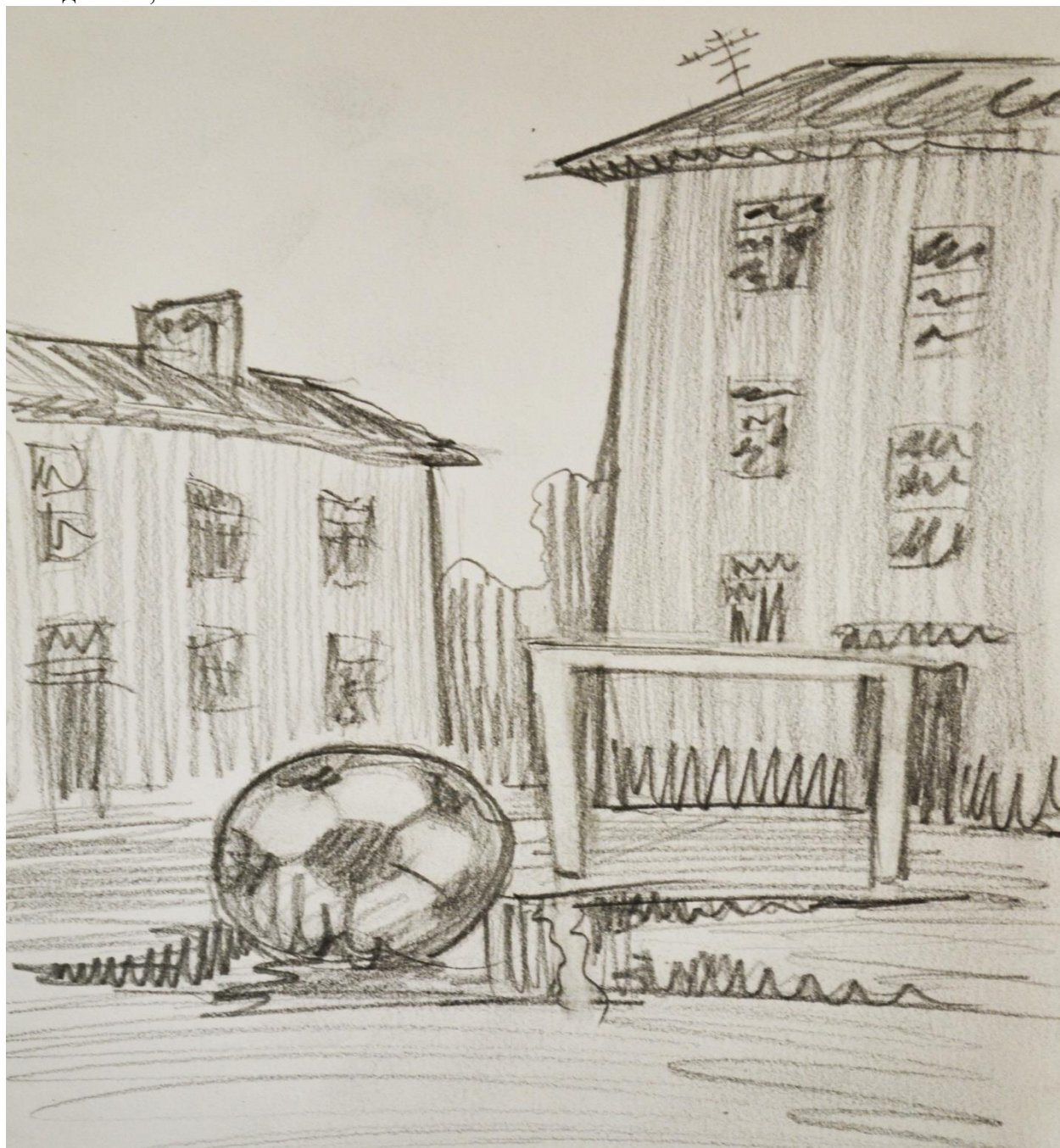
Всё это было в семьдесят втором:
Европу немцы сделали красиво.
Но умолчали дикторы о том,
Сколь с той поры уговорили пива.

И наши были на финале том –
Не в качестве туристов из Коврова.

Какой был счёт, я вам скажу потом,
Употребив две кружки разливного.

Да, были люди на моём веку –
Был Хурцилава и Капличный следом.
Был Банишевский – парень из Баку,
Никто тогда не хмурился при этом.

Футбол он мячик – Шарик голубой:
Никто с него не падает поэтом.
Всем здесь хватает места под луной
И пиджакам, и пламенным атлетам.

ПИРОГ И ТАБУРЕТКА (ИСП. Наливиной)

Пирог хорош – ассортимент,
Ребята рифмами икают.
А где мой тощий табурет,
Чтобы обнять родную стаю?
Ан, нет его, и поделом:
Мне хорошо и на диване.
Мой кубок сдан в металлолом,
А «Кашалот» повис в аркане.

Диван мой непростой – Казбек!
Мне видно всё и за Луною.
Я как оптический абрек,
Как аллигатор с бороною.
Перекусить смогу легко
Всех этих мосек из барсеток.
Я вам, ребята, не пивко
И не мартини из пипеток.

Последний раз вам говорю:
Отдайте кубок мой обратно.
Его трескучую зарю
Мой «Кашалот» согнул трёхкратно.
Уже поставлено тавро –
Без суеты и без обмана.
Но «Серебристое перо»,
И серебеников полкармана...

14.04.2026

СУНДУК ФЛИНТА

(из услышанного в метрополитене)

Одни боялись Пью,
другие – Билли Бонса.
А меня боялся сам Флинт.
Боялся меня и гордился мной...
Джон Сильвер («Остров сокровищ»)

Пираты спрятали ящик,
А что в нём – не знает никто.
Хромой, борода и сигнальщик –
Остров сей Ти-ти-ти-кто...
Линяют шкуры и люди,
А остров всё там же храпит.
Живучие барракуды,
Жирных акул аппетит.

Всё тот же безногий Сильвер
И вечного Флинта скелет.
Здесь могут потрогать ливер
Драккаром тощих штиблет.
И всё же, пираты, братцы,
Лишь вам я осанну пою.
Корчма, коньяк и малайцы,
Слепой по имени Пью.

Дружно вот так отобедав,
Оформили юнгу в пинки.
Сильвер, а где та торпеда
И в якорях каблуки?..
Джунгли, скелет и лопата...
Сундук именной – в нём змея.
Бен Ганн, куда делось золото
И крюк того костыля?..

Крюк не простой, а учёный –
Века не помеха ему.
Цвет тот воистину – чёрный,
Впрок возлюбивший тюрьму.
Бен Ганн, куда делось блюдо –
Окрошка под коньяком?
Крошили туда иуды
Юнгу тупым топором.

Коньяк он, вестимо, козырь!
Коньяк он, вестимо, снегирь!
Главное здесь не берёзы,

А Сильвера грязный костыль.
Берёзы – они у дома,
Всё ждут того юношу в щах.
Ему постлали солому,
Пиратам бочку в углях.

И пляшут демоны «Еньку»
В сиянии бронзовых фикс.
Злато унёс и скамейку
Мистер какой-нибудь «Х».
И снова верёвки в парус,
И снова верёвки в винт.
Подельников нижний ярус,
Коньяк «Армянский» и Флинт...

Висеть им долго, ребята,
В тавернах полно типажей.
Этих любителей злата
И прочих поводырей.
Бредут они – Пью и Билли,
На привязи Сильвера кость.
Из той разрытой могилы
К вам в двери незванный гость.

И вот он – пятиалтынный!
Ан, кукиш – навоза кусок.
Чёрная метка и длинный
К нижней губе поводок.
Цепляют вельмож и рыбу:
Хапуг, казнокрадов, ждунов...
Такого ни зги Карибы
С самых прямых крейсеров.

По кабакам и по тундре
Сигнальный разносится дым.
Ведёт такую полундру
Юнга, который не Джим...
Гуськом по индейским тропам –
По чащам и весям на бис.
По кабинетам – галопом...
КМЛН! Мистер «Х»!

.....
Мистер Билл, мистер «О», мистер Пью,
И, конечно, она – миссис «Z».
Мистер Сильвер оформит ему
С того света «волчий билет».
«Х» он главный, он дока, он босс,

Он в подзорную смотрит трубу.
Недалече, видать, Чёрный Пёс –
С этой чёрной меткой во лбу...

Лишь один мистер «G» ни при чём,
Только следствие наше того...
Установлено: «Был палачом» –
Ненавязчиво так, под пиво.
Как всегда, в стороне прикорнул
На полатах, роняя слезу...
Он меня как бы финкой пырнул
В том Бен Ганном разрытом лесу.

Я «Открытку» когда-то писал
Металлургам, опять же, – друзьям.
И она не про рыжий металл,
А про флаг сталеварских панам.
Мой сундук – это правда и ложь,
Мой сундук – девять лет на помин.
Среди брызг сталеварских калош
В том углу – мой последний бензин.

Металлурги они или кто:
«X» и «O», миссис «Z» или «G»?
Я пишу им, пишу им, и что:
Мне в отвёртку одни расшиши.
Фига, стало быть! «Парень, – пока!»
Но не зря я – демидовский ковш.
Лью я эту руду на века –
Золотую ретивую рожь.

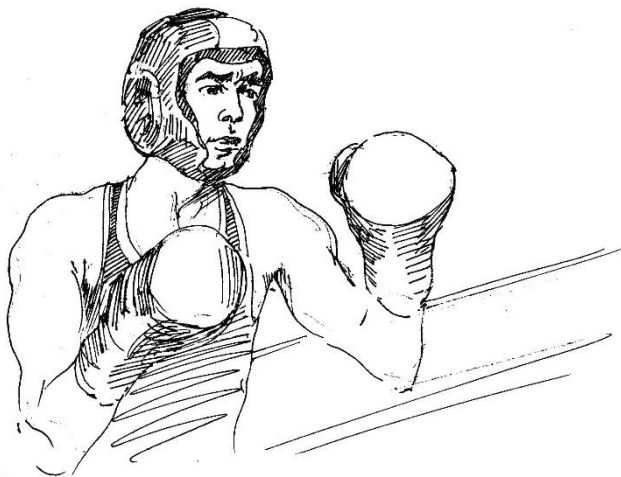
СЕКУНДАНТ

(из услышанного в метрополитене)

Ударил гонг. И золотая встреча
Пошла своим извечным чередом.
Кому-то бокс, кому-то злая сеча –
Ты гладиатор, не бывший рабом.

Летит прямой, за ним косой – коварный.
Техничный хук, коронный апперкот...
Как в опере ударили литавры,
И секундант прополоскает рот.

Ваш угол, сударь!.. В красном обитаю:
Купаю капу, грею табурет.
Я – секундант! И в раунд заряжаю
Тебя, как тот – дуэльный пистолет...

ПЕРЧАТКИ ФЛИНТА

(из услышанного в метрополитене)

А вам слабо, товарищи пираты,
На ринг вот так – по чести и судьбе.
И вы никто, ни в чём не виноваты,
Лишь Сильвер вам мешает при ходьбе.

Он отстаёт – культяпа не торпеда,
Но всё равно – на камбузе в веках.
Он побыстрее японского мопеда –
Весёлый Роджер в алых парусах.

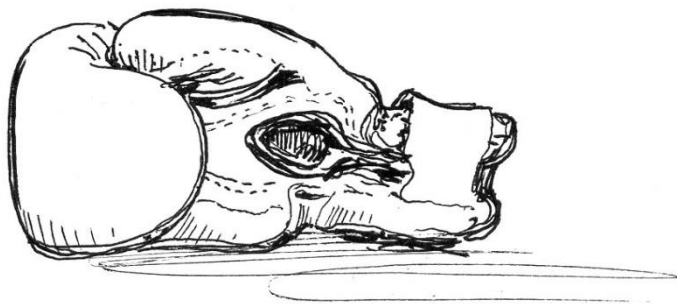
Сундук ваш полон серебра и злата,
Бутылка рома или коньяка.
Там и моя вчерашняя зарплата,
И кой какие шмотки казака.

Перчаток пара, стало быть, боксёрских.
Ваш выход, Сильвер, – взвесьте инвентарь!
Дороже злата он, дороже вашей горсти
Из синих безупречных шаровар.

Та пара краг – их не подмять и пудом,
Который бьёт по флинтавым горбам.
В перчатках этих – чистая посуда,
И наш привет всем симметричным лбам.

Печать она не сводится блинами,
Здесь нужен почерк – ветер из ларца.
Сам Билли Бонс уже идёт за вами,
А мы ждём номер вашего лица.

Пора, друзья, на перевоспитанье!
Пора чистосердечное писать,
Где остров тот, где моря колыханье,
И где она – не Флинтова тетрадь?..

НОКАУТ ФЛИНТА

(из услышанного в метрополитене)

Бокс — это вам не дукаты:
Здесь всё по чести, в труде.
И там, и здесь есть канаты
И тяга к первой звезде.
Кодекс и здесь, и на рее:
И там, и тут — капитан.
Дядя, давайте скорее
Пишите вы свой роман.

Пускай он будет про шляпы
И непременно с пером!
В туман уходят две лапы,
В кармане штоф с коньяком.
А может быть, — это groggy —
Такое сияние глаз.
«Break!» Уж трактир у дороги,
Рефери — противогаз.

И тренер — не твой, как будто,
А Чёрный Пёс тамадой.
Плывёшь ты с пометкой «брутто»
Коньячной алой рекой.
Вестимо, нокаут Флинта —
Туман в голове и звон.
Это не лишняя пинта,
А рёбер металлолом.

Потом на рысях в телеге
За Спасом на водопой.
Пью, Билли Бонс и коллеги,
Вдевшие по стремянной.
Фантастика нынче в моде,
Но здесь, товарищи, был!
Туман, туман на болоте,
Сильвера в жабах костыль.

Однако довольно соли —
Есть мистер Ливси и Джим.
И есть капитан не Смоллетт
Во славу русских дружин.
Пётр Алексеевич — первый
И никакой не второй.
Шагает в жёлтые зебры,
Как будто конь вороной.

Уж будет и вам нокаут,
Уж будет синяк луной.
Господь посчитает «out»:
Сильвер, и Флинт, и слепой...

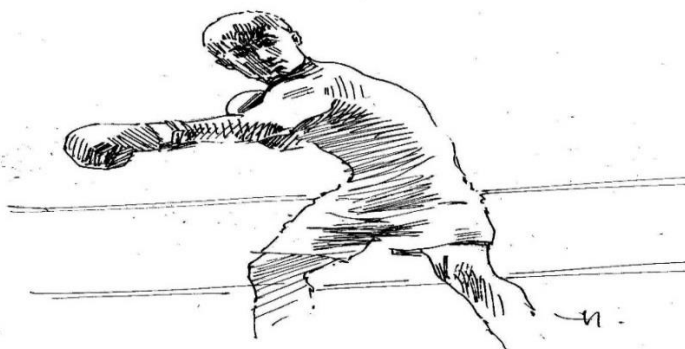
Лишь Чёрный Пёс из тумана
Исчезнет, как саквояж.
«Ох, рано встаёт охрана».
Над Липами: «Отче наш!»

И грянет здесь русским духом,
И прянет здесь в нос царём!
Бен Ганну – пассаты в ухо –
Сыр пошехонский и ром.
Шпицрутенов если двадцать –
Без фанатизма, слегка.
Короче, взяли за яйца
Пиратов тех у флажка.

У нас моряки покрепче,
И вахтенный чередой
Запишет, что без картечи
Управились со шпаной.
И нет сундуку каната –
Под берегом этот хлам.
У нас металл и зарплата,
И зонтики городам.

А он – этот юнга Джимми,
А может, ещё какой,
Идёт ногами босыми
Туманной этой рекой.
Ещё шажок, ещё пятка,
Ещё чуть-чуть и рассвет.
Такая она зарядка –
Девять последних лет.

А я пишу свою сагу
Про тот нержавеющий металл,
Про то, как лили бадягу
На тот сермяжный фингал.
Нокаут того же Флинта
Не смыт за давностью лет.
Есть выход из лабиринта –
Этот последний куплет!

Когда-то Пётр потрянул века,
И вот он здесь – НЛМК!
И град уж рядом в галогенах,
В стальных огнеупорных венах...

Здесь металлурги на-гора
Дают руду из топора.
Топор тот не простой, однако,
А удалая железяка.

Ведь без железа никогда
Не вынуть рыбку из пруда.
А пруд – основа всех свершений,
Всех реактивных ускорений.

В онучах ты аль в сапогах –
Металл, как комната в свечах.
А в ней купеческая сила –
Ботинки кожи крокодила.

Одна толпа, одна семья –
Пожарский-князь, а с ним Кузьма,
И Пётр в лаптях огнеупорных –
Непобедимых и проворных.

Века хрустят, как дважды два –
Царь Алексеевич, молва.
Шагает в рост Санкт-Петербургом
И новоліпецким он металлургом.

19.07.2026

Был «Старик» средь кадил,
Была «Воля» в оковах.
Говорят, что был стиль,
А теперь это порох!

Тридцать лет, как мираж,
Пролетели охлюпкой.
Только мой карандаш
Не болтается юбкой.

Всё конкретно, как нож,
Как звезда на погосте!
Мои «Ангелы» – брошь
На слащавой коросте.

И плевать я хотел
На парней Массолита.
Иногда между дел
Им пишу Айболита.

По уколу туда,
По пилюле в горлянку.
Я такой был всегда:
В лебедях... В Лебедянку!

Под горой этот брег,
Под горой моё Поле!
Куликово – разбег,
И туман на футболе.

И в хоккей я гонял,
И по роже бывало...
Получал свой фингал,
Только этого мало.

Взял я тот карандаш,
Написал без утайки
Про дырявый шалаш
Благородные байки.

Кто-то скажет: «Ого:
От креста до хоккея!»
Но дороже всего
Воля в дымке хорея...

Футбол сегодня – Сенегал!
Французы – шайка футболистов...
Мбаппе, Мане, а где амбал
Из наших местных Эдегоров?
У нас был тоже свой Пеле,
И Марадона был с района.
И Ривелино на селе
Был представителем завкома.

Их было десять – честь и соль –
Команд с берегов Мечи и Дона.
На Сахзаводе – свой король,
А в Черепяни – оборона.
Свой Беккенбауэр, Стрелец,
И даже Месхи без зарплаты.
Там был, вестимо, мой отец –
Ещё ни разу не распятый.

Он молодой в шеренге той,
Тарзан с ним рядом и Маркела,
Володя Зайцев боевой,
Как доморощенный Акела.
Он был надёжен, словно штык,
Он был чистильщиком на бровке.
Гремел над полем его стих:
«Хвала игре и тренировке!»

На этой фотке нет Мбаппе,
И нет Мане из Сенегала.
Там мой отец, и в той толпе
Нет ни Иуды, ни шакала.
Прошли года, они пришли,
Когда мы вокруг играли в прятки.
Их волосатые мослы
На наши честные зарядки.

Ушли Володя и Маркел,
Ушли отец и парни с фотки.
И это, братцы, не расстрел,
И не дыханье подлой водки.
Теперь другие на коне,
Жизнь покатилась, словно бусы.
Мбаппе забил, а у Мане
Исчезли бронзовые бутсы...

Автобус пуст, как кошелёк.
Поминки наши, как подлодка.
Парней тех нет, им невдомёк:
Зачем мне сморщенная фотка?
Она мне книгу расчехлит –
Орлы, «Орлёнок» и торсида!
И мой отец, как пятый винт
В цепочке «Красного болида».

О, этот славный «Машзавод» –
Команда молодости нашей!
О ней писал «Советский спорт»,
И аплодировали: «**Russia!**»
Пускай другим, а этим тож
Рукоплескало полрайона:
Страна болидов и калош,
Страна Есениных и шмона.

И каждый здешний хлебороб
На стадионе, средь скамеек,
Конкретно знал, что он народ
В эпоху рваных телогреек.
И никаких Мбаппе, Мане –
Был Бышовец и дядя Стёпа.
Скакать на розовом коне
Мечтала каждая Европа.

Мы не скакали, мы неслись
В Гагаринской трубе-ракете.
И каждый здешний тракторист
Был стержнем в этой эстафете.
Желтеют фотки, глохнет SOS,
Но я уверен, что когда-то
Они вернутся, как Христос,
Нам на мобильники, ребята.

А наш полкан рождён не хватом
И не отважным Бей-Булатом.
Звезда к звезде – ещё не вечер
Для тех, кто молнией просвечен.
За Правду встать на этом стуле,
Пуškai не то, что лезть под пули.
Но всё равно скакать в почёте
На нём опасно и пехоте.

Где правда, брат, где Грибоедов,
Где Александр из пистолетов?
Писать, что сладко у редиски,
Уж лучше жрать с собачьей миски.
В теньке держаться, чтоб под вечер,
Накинув кителёк на плечи,
Под звон жетонов из железки,
Сказать: «А кто он – Достоевский?»

Лермонт и Пушкин, и Есенин –
Зачем он буйнокрылый гений?
Уж лучше так: не до кинжала
Лизать нейлоновые жала.
Всё гладко, чисто, не по фене –
На той же первобытной сцене.
И без приветов, без идеи,
Где верховодят лицедеи.

А с «Хэнком», что ж, без посиделок,
Ему не подливаем пенек.
Ему с такими не сподручно
И даже неприлично скучно.
И даже штатская одежда,
О том споёт любой невежда,
Не скроет эти прибабасы –
Сверхзвуковые выкрутасы.

Присоски, лампочки из шкафа –
Из аппарата полиграфа
В его карманах вместо сдачи,
Как будто вышел он рыбачить.
Одна волна, одно мохито,
И нет свободного пиита,
Который мог бы мне советом
Помочь расправить эполеты.

В шкафу томятся Грибоеды
И Александры, и поэты,
Серёга Панюшкин в обложке,
И ушаковские матрёшки.

«Полковник тот рождён был хватом», —
Он тоже там, и с Бей-Булатом
Они раскинули сусала
Назло всем этим из журнала.

Пишите письма и приветы,
Метайте строчек табуреты.
Но есть полковник и зарплата,
Уж лучше обойтись без мата.
Система та: «Мы Вас не звали!»
...Опять рубцовские педали...
И романтическая пенка
В бокалах клетчатого Хэнка.

Он не Фагот какой-то в тройке —
Костюмчик прямо с перекройки.
Наш Хэнк насилует рулетку
Душою в солнечную клетку.
И прямо там на «Патриарших»,
Всех нас мобильно обогнавших,
И я кручу-верчу коленки
С потомками напеременки.